

Юй Сянхан пристально вглядывался в лицо Шэнь Цзя. Заметив охватившую того панику, он неосознанно ослабил хватку, но Шэнь Цзя тут же с отчаянной силой вцепился в его ладонь.

Пальцы его были ледяными и непрерывно дрожали.

— Ты... ты считаешь меня... мерзким?

— Сянхан... эти шрамы...

Шэнь Цзя опустил голову, не смея встретиться взглядом с Юй Сянханом. Он будто оцепенел, выталкивая из себя слова с огромным трудом, поодиночке.

— Шэнь Цзя, а знаешь что? — перебил его Юй Сянхан с холодной усмешкой. — В постели с тобой тоска смертная. Ты каждый раз лежал неподвижно, ровно доска, будто я тебя принуждал. Знаешь, о чём я думал? О том, что жить с тобой — абсолютно невыгодная сделка. Жаль, что я не завел кого-то раньше и не развёлся с тобой сразу. Столько времени спустил вчистую, а под конец твой папаша ещё и тыкал в меня пальцем, выливая грязь.

«Скучная».

«Бесполезная доска».

«Не стоило того».

«Если бы завел кого-то раньше... Если бы раньше развёлся...»

Неужели так? Неужели это и есть настоящая причина их развода?

А если бы он старался лучше, если бы изменился... Юй Сянхан вернулся бы?

Эти слова повергли Шэнь Цзя в хаос, словно его сознание рассеклось надвое.

Одна половина шептала: «Видишь, он всё ещё любит тебя. Просто между вами не было гармонии в постели, вот он и ушёл к другому. Будь послушным, и он вернётся».

Вторая возражала с ледящей трезвостью: «Нет. Что бы он ни говорил и почему бы ни ушёл, в тот миг, когда он лёг в постель с другим, он перечеркнул ваш брак. Он предал всё, что было между вами».

Когда ты всё ещё любишь и цепляешься за надежду, даже самый злой глум кажется откровением. Ты судорожно ищешь в чужой жестокости призрачный след прежнего чувства,

не понимая главного: с той секунды, как человек впервые сознательно ранил твоё сердце, любые его логичные слова — лишь утончённое оружие для глумления над твоей преданностью.

Но Шэнь Цзя был слишком слеп. Он всё ещё верил Юй Сянхану — точно так же, как верил ему в юности, игнорируя холодную, насмешливую мину на его лице.

Судорожно сжав рукав бывшего мужа, он едва слышно пролепетал:

— Значит... значит, я тебе не мерзок? Тебе просто... со мной скучно?

— И эти шрамы... они ведь не помеха, правда?

— Если я... если я буду слушаться, стану лучше... Сянхан, ты ведь...

Слова «ты ведь вернёшься?» так и застряли в горле.

Ему вдруг вспомнился предзакатный полумрак и голос Чжоу Цзыфэя: «Люди меняются. Если человеку хорошо с тобой сейчас, это не значит, что так будет всегда».

Решимость Шэнь Цзя вновь пошатнулась.

Из уголка воспалённого глаза выкатилась слеза. Проскользнув по щеке, она упала на тыльную сторону ладони, которой он судорожно цеплялся за Юй Сянхана. Едва прохладная, влажная капля дрожала от непрерывной дрожи пальцев — казалось, она ждёт, что её подхватят, смахнут тёплым касанием...

Но в следующее мгновение эта грошова слеза соскользнула с кожи и упала на пол.

Замешкавшись лишь на миг, Юй Сянхан перехватил запястье Шэнь Цзя и грубо сдёрнул его руку со своей одежды.

Всё происходило ровно так, как он и предполагал в день развода.

Шэнь Цзя всё ещё любил его. Любил настолько, что, слыша в свой адрес подобную дрянь, всё равно цеплялся и не мог отпустить.

Юй Сянхан мысленно усмехнулся. Ещё бы! За десять лет непрерывной заботы Шэнь Цзя — человек, с детства обделённый теплом, — привязался к нему насмерть.

Он наверняка уже тысячу раз пожалел о разводе. Стоит лишь слегка сменить гнев на милость, и Шэнь Цзя сам приползёт просить о примирении.

Но пока рано. Нужно дать ему как следует прочувствовать вину, чтобы он раз и навсегда запомнил, кто главный в этих отношениях.

Сделав шаг вперёд, Юй Сянхан поднял руку и развязно, с едва скрываемой злой иронией задел кончиками пальцев ресницы Шэнь Цзя.

— Твой папаша орал, будто я принуждал тебя? Что ж, отлично. Тогда я принужу тебя прямо сейчас. Не воплотить его слова в жизнь — значит обесценить все старания твоего дорогого родителя.

С этими словами он сбил Шэнь Цзя на пол, навалился сверху и бесцеремонно задрал подол его одежды.

Шэнь Цзя даже не успел среагировать — его тело мгновенно окоченело.

Уставившись снизу вверх на это знакомое лицо, он чувствовал, как мир вокруг медленно теряет очертания. Зрение расплывалось. Остались лишь чужое горячее, сбивчивое дыхание и грубые ладони, властно мнущие тело вдоль линии талии.

В нём пробудилась давняя память. Каждая клетка тела в панике вопила, умоляя вырваться и прогнать нападавшего, но Шэнь Цзя упорно твердил себе: «Это Юй Сянхан».

В памяти всплыла их первая ночь. Тогда Юй Сянхан был невероятно нежен: осторожно, трепетно поцеловал его в лоб, а затем долго смотрел на него сияющими, полными любви глазами, дожидаясь, пока Шэнь Цзя сам не обнимет его за шею.

Юй Сянхан не причинит ему вреда. Юй Сянхан — единственный человек в этом мире, который его любит.

В его мутном взоре снова возник юный Юй Сянхан. Он махал ему рукой и уверенно произносил: «Шэнь Цзя, я всегда буду рядом. Не бойся!»

Но почему же сейчас, когда настоящий Юй Сянхан находился так близко, прижавшись вплотную, Шэнь Цзя охватывал дикий, животный ужас, словно он занёс ногу над бездонной пропастью?

— Не... не надо...

— Не надо...

Просьба о пощаде вырвалась слишком поздно и прозвучала совсем тихо. Шэнь Цзя сам не видел, насколько исказилось от ужаса его лицо: в глазах застыли слёзы, зрачки мелковато

дрожали, губы обескровели, а кожа приобрела синевато-серый оттенок. Он не занимался любовью с бывшим мужем — он корчился в руках истязателя.

Когда Юй Сянхан насильно схватил его руку и опустил на пряжку своего ремня, к горлу Шэнь Цзя подступила тошнотворная желчь. Охваченный животным страхом и омерзением, он изо всех сил оттолкнул насильника, развернулся и, цепляясь руками за пол и отталкиваясь ногами, судорожно пополз прочь.

Не ожидавший такого отпора Юй Сянхан получил ощутимый удар пяткой прямо в грудь и болезненно застонал.

Но Шэнь Цзя уже ничего не замечал. Старые шрамы на теле отозвались тупой, ноющей болью. Он снова наяву почувствовал жгучую боль от сигаретных бычков Шэнь Цяньлуна, впивающихся в кожу, ножевые царапины от заточенного карандаша и ту липкую тошноту от потери крови, когда отец душил его и дважды полоснул ножом по груди за украденные на учёбу деньги.

Прошлое накрыло его гигантским цунами, смывая остатки разума. Шэнь Цзя оставалось лишь обнять себя за плечи и зайти в мелкой дрожи.

Он больше не звал на помощь: «Сянхан, спаси меня». Лишь тихо плакал, глотая слёзы и повторяя «не надо» — подсознание наконец усвоило простую истину: Юй Сянхан больше никогда его не спасёт.

Именно в этот миг Шэнь Цзя осознал: прикосновения Юй Сянгана вызывают у него дрожь, от его тепла становится холодно, а чужое дыхание и взгляд рождают лишь непреодолимый позыв к рвоте.

Он понял. С этого самого дня — а может, и куда раньше — Юй Сянхан перестал быть для него кем-то особым.

Прежний Юй Сянхан был окончательно мёртв и похоронен. Отныне само это имя не обещало утешения или спасения, превратившись в очередной «сигаретный бычок» и «лезвие».

— Шэнь Цзя, ты что, лягнул меня?!

Юй Сянхан порывался схватить его за лодыжку и подтащить обратно, но Шэнь Цзя, уткнувшись лицом в сгиб локтя, сжался в клубок у подножия дивана и никак не реагировал.

В душе Юй Сянгана закипела глухая злоба пополам с беспомощностью.

Вечно он так! Вечно Шэнь Цзя выкидывает подобные номера...

В постели он всегда уступал Шэнь Цзя: жалел его, не хотел причинять боль и сам отказывался от роли ведущего. Если Шэнь Цзя не нравились определённые ласки, он никогда не принуждал. В их отношениях было полно поцелуев и объятий, а до настоящей близости дело доходило редко.

В семейных делах он взял на себя заботу о его отце, Шэнь Цяньлуне. Даже когда тот полоснул его ножом, Юй Сянхан спустил всё на тормозах — думал, пройдёт пару лет, Шэнь Цзя остынет, папаша угомонится, и они начнут жить одной дружной семьёй.

Во всём он оберегал Шэнь Цзя. Столько лет опекал его и искренне считал себя идеальным партнёром!

Юй Сянхан был убеждён: кроме него, никому этот ничем не примечательный Шэнь Цзя нафиг не сдался.

И именно поэтому он искренне не понимал, отчего Шэнь Цзя так страдает и чего так боится.

Подумаешь, изменил один-единственный раз! С чего бы Шэнь Цзя так беситься?

На этот раз он не станет унижаться. Он и так слишком долго пресмыкался перед ним. Из-за такой мешанины пустяковых ошибок Шэнь Цзя обязан проявить великодушие и простить его!

Потерев ушибленную грудь, Юй Сянхан поднялся на ноги и сухо бросил:

— Что ж, Шэнь Цзя, с твоим папашей я больше связываться не намерен. А что до твоих фокусов с фотками... Что ж, живи как знаешь.

Он ушёл не обернувшись — не желал снова видеть этот жалкий, умоляющий взгляд, от которого его за столько лет уже тошнило.

Но Шэнь Цзя даже не поднял головы. Он лежал с закрытыми глазами, и слёзы молча текли по его щекам.

Юй Сянхан не знал и пока ещё не осознавал, что Шэнь Цзя больше никогда не заглянет ему вослед. Никогда больше не станет тосковать.

Всё произошло именно так, как он сам только что сказал: «оно того не стоило». Шэнь Цзя наконец понял, что всё, от чего Юй Сянхан так утомлённо отмахивался, действительно было сплошной бессмыслицей.

Хрупкая надежда «а вдруг он вернётся», многолетняя вера в то, что «Сянхан меня спасёт», и океан пролитых слёз — всё это не стоило ровным счётом ничего.

Вилла семьи Чжоу

— Молодой господин, суп готов. Я взяла самые лучшие ингредиенты и томила его всю ночь.

Чжоу Цзыфэй принял пиалу из рук тётушки, продолжая набивать сообщение для Шэнь Цзя. Ответ так и не приходил, и внутри у него нарастало жгучее беспокойство.

Разрешение проблемы с Шэнь Цяньлуном уже продвигалось, но чтобы навсегда нейтрализовать этот источник неприятностей, требовалось время. Чжоу Цзыфэй всерьёз опасался, что старый проныра снова разыскал Шэнь Цзя.

Хотя он приказал людям непрерывно следить за Шэнь Цяньлуном и перехватить его при первой же попытке приблизиться к Шэнь Цзя, тревога не утихала.

Сжав телефон до побеления костяшек, он после короткого колебания запустил трансляцию с камеры высокого разрешения, которую тайком установил у дверей квартиры Шэнь Цзя.

Едва изображение прогрузилось, глаза Чжоу Цзыфэя налились кровью, а на висках и лбу вздулись тёмные вены.

Входная дверь была распахнута настежь. В прихожей какой-то мужчина навалился сверху на Шэнь Цзя, а тот лежал совершенно неподвижно. В голову Чжоу Цзыфэя мгновенно ударила самая страшная мысль.

Что, если его избили? Или накачали дрянью до потери сознания?!

Он потерял контроль над собой. На ходу заводя двигатель машины, Чжоу Цзыфэй набрал номер управляющей компании жилого комплекса и потребовал немедленно отправить сотрудника в квартиру Шэнь Цзя.

— Господин Чжоу, что-то случилось? С квартирой какие-то пробл...

— Без разговоров! Живо дуйте туда!

Собеседник, ошеломлённый вспышкой ярости, судорожно забормотал согласия и бросил трубку.

Угрюмо нависшие брови, сжатые челюсти, мелкая дрожь в руках, сжимающих руль, и холодный пот, проступающий на лбу.

Он не мог допустить, чтобы с Шэнь Цзя случилось хоть что-то плохое.

И каждый раз... Каждый чёртов раз он опаздывал! Оказывался рядом на какую-то долю секунды позже, чем нужно!

Когда он разыскал Шэнь Цзя много лет назад, тот уже несколько недель как расписался с Юй Сянханом. Чжоу Цзыфэй лишился права даже просто подойти. Он выпросил в отеле видеозапись свадьбы и длинными одинокими ночами пересматривал счастливую улыбку Шэнь Цзя, произносящего «согласен». Шесть лет он оставался лишь безмолвным зрителем чужого счастья.

Когда он собственными глазами увидел, как Юй Сянхан ведёт в подъезд незнакомого парня, Шэнь Цзя как раз подходил к дому. Чжоу Цзыфэй, сгорая от отчаяния, стоял в тени деревьев и наблюдал, как Шэнь Цзя утомлённо несёт пакет с продуктами наверх, а спустя время выбегает на улицу, абсолютно разбитый, и опускается на скамейку, уставившись в пустоту.

Он сжал зубы так, что во рту разлился солоноватый металлический вкус крови, но даже не заметил этого, не отрывая взгляда от дороги.

На его счастье, везде горел зелёный. Заскочив на территорию комплекса, он кое-как припарковался, с грохотом захлопнул дверцу и на пределе сил рванул к нужному корпусу.

— Эй! Господин Чжоу! — окликнул его издали охранник из управляющей компании.

— Ну?! Что там?! Он внутри? С ним всё в порядке?! — Чжоу Цзыфэй мёртвой хваткой вцепился в плечи мужчины, вглядываясь в его лицо и ловя каждый нервный жест.

Сотрудник озадаченно почесал затылок:

— Да я стучал-стучал, никто не откликается. Как раз собирался идти на пульт, смотреть записи с камер...

Зрачки Чжоу Цзыфэя резко сузились. На пару секунд на него накатила глухая тишина, в ушах зазвенело, а грудь сдавило ледяным предчувствием беды.

— Нет... Не то...

— Быстрее открывай дверь... Ищите ключи, вскрывайте дверь!

Его губы моментально побелели, по спине побежал мороз. Он бормотал это едва слышно, словно в бреду.

— Что?.. — не понял охранник.

Господин Чжоу резко вскинул голову. Его лицо исказила такая дикая паника, что он взревел на весь холл:

— Быстро ищите человека с ключом и открывайте квартиру!

Вид абсолютно безумного Чжоу Цзыфэя настолько перепугал сотрудника, что тот плюнул на все инструкции. Заразившись этой всепоглощающей тревогой, он со всех ног бросился выполнять приказ.

Спустя пару минут они стояли перед дверью Шэнь Цзя. Раздался писк электронного замка, и дверь поддалась.

В квартире царила звенящая тишина — настолько глубокая, будто внутри никого не было.

Едва замок отщёлкнулся, Чжоу Цзыфэй рванул за ручку и с такой силой толкнул дверь, что споткнулся на пороге. Сзади к нему бросились на помощь, но он грубо отмахнулся.

Шэнь Цзя нигде не было. Ни в гостиной, ни на кухне за прозрачной стеклянной перегородкой.

— Господин Чжоу, похоже, тут никого нет? Вы так спешили, да что вообще ст...

— Заткнитесь! Ни звука! — рявкнул Чжоу Цзыфэй, оборачиваясь.

Толпа сопровождающих мгновенно притихла.

Он прошёл вглубь квартиры: заглянул в закрытый кабинет, выскочил на балкон, затем устремился к спальне... И тут до его слуха донёсся звук льющейся воды.

Журчание, всплески, размеренная капель...

Лицо Чжоу Цзыфэя стало полотном. Он метнулся к ванной и рывком распахнул дверь.

Избыток воды уже выплескивался через край, прозрачными ручьями растекаясь по кафельному полу. За натянутой шторкой виднелась ванна: лейка душа лежала на самом дне, и из неё непрерывным потоком лилась вода.

Никакого пара. В ванной было темно, промозгло и холодно.

Но внимание Чжоу Цзыфэя приковала к себе домашняя одежда светло-бежевого цвета. Она валялась на полу, насквозь промокшая, потемневшая от воды — немой, тяжёлый вестник произошедшей трагедии.

<http://bllate.org/book/19971/1985800>